

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

М. Вебер

Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии¹

ВЕБЕР Макс (Weber, Max) (1864–1920) — немецкий социолог, философ, историк, экономист.

Перевод с нем.
Л. Г. Ионина

Публикуется с разрешения
Издательского дома
ВШЭ.

Представляемая книга является первым томом классического труда Макса Вебера «Хозяйство и общество», который впервые был переведён на русский язык в полном объёме. В томе I раскрывается методология понимающей социологии Макса Вебера в целом. Здесь даны основные социологические понятия, сформулированы принципы экономической социологии, изложены положения социологии господства и обозначены направления разработки социальной стратификации. Таким образом, в книге описаны в систематизированном виде инструменты, которые помогут читателю обрести оптику для того, чтобы понять проблемы наук об обществе, обобщаемые в последующих томах этого эпохального сочинения.

Журнал «Экономическая социология» публикует сокращённую версию первой главы «Основные социологические понятия» из тома I «Социология». В главе представлена, по сути, программа понимающей социологии М. Вебера, то есть изложены её содержательные и методические основания, а также обозначены границы со смежными дисциплинами. Ключевым термином здесь выступает «социальное действие», при помощи которого раскрывается предмет социологии.

Ключевые слова: социология; Макс Вебер; социальное действие; мотив; понимание; методология.

Глава 1

Основные социологические понятия

Предварительное замечание. Этот метод начального определения понятий (без него не обойтись, хотя он и может произвести впечатление абстрактного и далёкого от реальности) отнюдь не означает претензии на новизну. Наоборот, задача состоит в том, чтобы сказать о тех же самых вещах, что имеет в виду любая эмпирическая социология, только выразить это в более целесообразной и несколько более строгой форме, хотя именно от этого может возникнуть ощущение педантизма. Это относится и к случаям, когда применяются термины, которые выглядят новыми или непривычными. По сравнению со статьёй в четвёртом выпуске «Логоса» (1913. S. 253 ff)² тер-

¹ *Источник:* Вебер М. 2016. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4-х т. (сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина). Том 1. *Социология*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. Перевод изд.: Weber M. 1972. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. 5. revidierte Aufl. Besorgt von Johannes Winckelmann. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).

² Имеется в виду статья: [Weber 1913] — 3д. и далее примеч. науч. ред. пер.

минология значительно изменена и по возможности упрощена, чтобы сделать её понятнее. Но всё же требование популярности не всегда совместимо со строгостью определения понятий и должно при необходимости уступать последнему.

По поводу «понимания» см. «Общую психопатологию» К. Ясперса, а также некоторые замечания Риккерта во втором издании его «Границ естественно-научного образования понятий» и особенно Зиммеля в «Проблемах философии истории». В методическом отношении я ссылаюсь, как и раньше, на подход Ф. Готтля в его не совсем внятно написанной и не во всём продуманной работе «Господство слова», по существу же дела, прежде всего на замечательную работу Ф. Тённиса «Общность и общество», а также на вводящую в заблуждение книгу Р. Штаммлера «Хозяйство и право в материалистическом понимании истории» и мою критику в его адрес (Archiv f. Sozialwissensch. XXIV. 1907)³, где уже во многом содержатся основы того, что последует ниже. Я отступаю от метода Зиммеля в его «Социологии» и «Философии денег», различая, насколько возможно, *подразумеваемый* и *объективно значимый* смыслы, тогда как Зиммель их не только не всегда различает, но часто намеренно позволяет им перетекать друг в друга.

§ 1. Понятия социологии и смысла социального действия

Социологией (в принятом здесь смысле этого очень многозначного слова) называется наука, которая стремится, истолковывая, понимать социальное действие и тем самым причинно объяснять его протекание и результаты. Действием при этом называется человеческое поведение (всё равно, внешнее или внутреннее, воздержание от действия или претерпевание), если и поскольку действующий или действующие связывают с ним субъективный *смысл*. Социальным же действием называется такое, которое по своему подразумеваемому действующим или действующими смыслу соотносено с поведением *других* людей и ориентируется на него в своём протекании.

I. Методические основания

1. Смысл здесь — это либо а) фактически подразумеваемый действующим в исторически конкретном случае или усредненно и приблизительно подразумеваемый действующими в массе конкретных случаев, либо б) содержащийся в понятийно сконструированном *чистом* типе действующего или действующих субъективно *подразумеваемый* смысл. Не какой-то объективно «правильный» или метафизически обоснованный «подлинный» смысл. В этом состоит отличие эмпирических наук о действии (социологии и истории) от всех догматических наук, таких как юриспруденция, логика, этика и эстетика, стремящихся отыскать в своих объектах «правильный», «действительный» смысл.

2. Граница между осмысленным действием и просто (назовём его так) реактивным поведением, не связанным с субъективно подразумеваемым смыслом, крайне подвижна. Значительная часть всего социологически релевантного поведения, особенно чисто традиционное действие, лежит на границе между ними. Осмысленного, то есть понимаемого, действия при некоторых психофизических процессах не наблюдается вовсе, в иных случаях оно доступно лишь экспертам-профессионалам. Мистические и потому адекватно не выражающиеся в слове процессы не поймёт полностью тот, кому не доступны соответствующие переживания. Напротив, способность самостоятельно производить такое же действие не является предпосылкой понимания: «Не обязательно быть Цезарем, чтобы понять Цезаря»⁴.

³ Имеется в виду статья: [Weber 1907].

⁴ Это скрытая ссылка на Зиммеля, который писал: «Мы убеждены, что не надо быть Цезарем, чтобы действительно понять Цезаря, и вторым Лютером — чтобы понять Лютера» [Simmel 1905: 57]. В русском переводе, сделанном с первого немецкого издания, эта фраза отсутствует.

Полнота сопереживания важна с точки зрения очевидности понимания, но не является абсолютным условием истолкования смысла. Поддающиеся и не поддающиеся пониманию составные части одного и того же процесса часто перемешаны и связаны друг с другом.

3. Всякое понимание стремится к *очевидности*, как и вообще всякая наука. Очевидность понимания может иметь либо рациональный (и в этом случае логический или математический), либо эмпатический (основанный на сопереживании или художественной восприимчивости) характер. Рациональная очевидность налицо, прежде всего когда структура подразумеваемого смысла действия целиком и полностью понимается *интеллектуально*. Эмпатическая очевидность имеет место, когда действие полностью сопереживаемо в его действительно испытанной *эмоциональной* связи. Рационально понятными, то есть в данном случае непосредственно и однозначно интеллектуально постигаемыми в их смысловом строении, являются в огромной степени и прежде всего связи математических или логических высказываний. Мы совершенно однозначно понимаем, что имеется в виду, когда кто-то, размышляя или аргументируя, использует суждение « $2 \times 2 = 4$ » или теорему Пифагора либо «правильно» (с общепринятой точки зрения) строит цепь логических заключений. То же самое, когда на основе «общеизвестных» фактов и наличных целей делаются самоочевидные (по нашим представлениям) выводы относительно необходимых для действия средств. Всякое понимание такого рационально ориентированного целевого действия характеризуется (применительно к пониманию используемых *средств*) высшей степенью очевидности. Отнюдь не та же, хотя и достаточная для целей объяснения, очевидность проявляется при понимании таких «ошибок» (например, неправильного определения проблемы), которые свойственны нам самим или которые мы способны «сопережить» путём эмпатии. Напротив, многие *конечные* «цели» и «ценности», на которые, как показывает опыт, может быть ориентировано человеческое действие, мы часто *не можем* понять с полной очевидностью. Конечно, при определённых обстоятельствах мы могли бы понять их интеллектуально, но чем радикальнее они отличаются от наших собственных конечных ценностей, тем труднее нам с помощью воображения и вчувствования понять их в *сопереживании*. В зависимости от сложности случая нам придётся либо удовлетвориться их *интеллектуальной* интерпретацией, либо, если и это не удастся, принять их просто как данность и, пользуясь ими как в некоторой степени интеллектуально постигаемыми или хотя бы приблизительно чувственно сопереживаемыми ориентирами, попытаться понять, как протекает мотивированное ими действие. Таковы деяния виртуозов веры и добродетели в глазах тех, кто не восприимчив к реальности этих сфер. Таковы же проявления крайнего рационалистического фанатизма («права человека»), с точки зрения тех, кто соответствующую позицию радикально отвергает. Реальные аффекты (страх, гнев, честолюбие, зависть, ревность, любовь, воодушевление, гордость, жажда мести, благоговение, преданность и самоотдача, влечение любого рода), как и следующие из них иррациональные (с точки зрения рационального целевого действия) реакции, мы в состоянии эмоционально сопережить, и с тем большей очевидностью, чем более мы сами им подвластны. Во всяком случае, даже если по своему накалу они неизмеримо превосходят наши возможности, мы всё равно в состоянии путём вчувствования понять их смысл и интеллектуально просчитать их влияние на направление и выбор средств действия.

Для *типологизирующего* научного наблюдения все обусловленные иррациональными причинами и аффектами смысловые связи поведения, влияющие на действие, легче всего обозримы, если объяснять и отображать их как «отклонения» от чисто целерационально сконструированного хода действия. Например, при объяснении паники на бирже сначала устанавливается, как должно *было бы* выглядеть действие, будь оно строго целесообразным, не подверженным влиянию иррациональных аффектов, а затем эти иррациональные компоненты добавляются и рассматриваются как нарушающие воздействия. Точно так же в случае политической или военной акции сначала констатируется, как *протекало бы* действие при знании участниками всех обстоятельств и намерений друг друга и при строго целерациональном, то есть исходящем из значимого, с нашей точки зрения, опыта, выборе средств. Только

на этой основе можно затем осуществить каузальное приписывание отклонений от этой конструкции к обуславливающим их иррациональным факторам. В таких случаях конструкция строго целерационального действия (вследствие её очевидной понятности и объясняемой её рациональностью однозначности) служит социологии как *тип* («идеальный тип»), позволяющий понять реальное действие, подвергающееся влиянию всякого рода иррациональных факторов (аффектов, заблуждений), как отклонение от ожидаемого при чисто рациональном поведении.

В этом отношении и только по причине методологической целесообразности метод понимающей социологии является «рационалистическим». Его конечно же надо понимать не как свойственный социологии рационалистический предрассудок, а только как методический инструмент, и при этом не толковать в смысле веры в действительное превосходство рационального в жизни. Ведь о том, в какой мере рациональные целевые соображения в реальной действительности определяют *фактические* действия, а в какой нет, здесь не говорится ни слова. (Хотя нельзя не видеть опасности рационалистических интерпретаций там, где они не к месту. Опыт показывает, что она, к сожалению, существует.)

4. Несмысловые процессы и предметы рассматриваются всеми науками о действии как поводы, или как результаты действия, или как способствующие либо препятствующие действию обстоятельства. «Несмысловые» не означает «неодушевлённые» или «нечеловеческие». Каждый артефакт — например, машина — истолковывается и понимается только исходя из смысла, который человеческое действие (самой разной направленности) придало или хотело придать ему при его создании и применении; без обращения к смыслу любой артефакт остаётся непонятым. Понимаемое в нём, следовательно, есть отнесенность человеческого *действия* к нему как к цели или средству, которыми руководствуется действующий или действующие и на которые они ориентируют действие. *Только* в этих категориях и имеет место понимание таких объектов. Несмысловыми, напротив, остаются все — одушевлённые и неодушевлённые, человеческие и нечеловеческие — процессы или положения, не имеющие подразумеваемого смыслового содержания, поскольку они *не вступают* с действием в отношение средства или цели, а остаются для действия только поводом, внешним способствующим или препятствующим обстоятельством. Наводнение, в результате которого на исходе XIII века (1277 г.) возник Долларт⁵, имело (вероятно!) историческое значение как событие, вызвавшее масштабные и исторически значимые процессы переселения. Рождение и умирание, органический круговорот жизни вообще (от беспомощности ребёнка до беспомощности старика) имеют, конечно, первостепенное значение для социологии в силу того, что на них по-разному ориентировалось и ориентируется человеческое действие. Другую категорию образуют не поддающиеся пониманию суждения опыта, касающиеся протекания психических или психофизиологических процессов (усталость, привыкание, память и т. д., а также типичные эйфории при определённых формах умерщвления плоти, типичные различия реакций по скорости, характеру, однозначности и т. д.). В конечном счёте, здесь видится та же ситуация, что и с остальными не поддающимися пониманию данностями: как практические деятели, так и понимающее наблюдение воспринимают их как данное, с которым надо считаться.

Не исключено, что будущие исследования обнаружат недоступные пониманию закономерности и в поведении, которое здесь определено как смысловое, хотя до сих пор этого и не случилось. С различиями биологической наследственности (расами), если бы появились статистически убедительные данные об их влиянии на социологически релевантное поведение, особенно на социальное действие в его *смысловой* связи, социологам оставалось бы смириться как с данностью точно так же, как с физиологическими фактами вроде потребности в пище или влияния старения на поведение. И признание их каузального значения, конечно, нисколько не изменило бы задач социологии (и, вообще, наук о дей-

⁵ Залив Северного моря на границе Нидерландов и Германии, образовавшийся предположительно между 1219 и 1413 гг. в результате катастрофических наводнений.

ствии): истолковывая, понимать осмысленно ориентированные действия. Социология включила бы в свои интерпретивно понимаемые мотивационные связи в определённых точках факты, не являющиеся предметом понимания (например, типичные отношения частоты определённого типа действия либо степени его типичной рациональности к черепному индексу, или к цвету кожи, или к любым другим физиологическим наследственным свойствам), что, впрочем, имеет место уже сегодня.

5. *Понимание* может 1) означать *актуальное* понимание подразумеваемого смысла действия, в том числе высказывания. Мы, например, актуально понимаем смысл суждения « $2 \times 2 = 4$ », когда его слышим или читаем (рациональное актуальное понимание мыслей), или взрыв гнева, проявляющийся в мимике, междометиях, беспорядочных движениях (иррациональное актуальное понимание аффектов), или поведение человека, колющего дрова либо тянущегося к дверной ручке, чтобы закрыть дверь, или охотника, который целится в зверя (рациональное прямое понимание действий). Понимание также может быть 2) *объясняющим*. Мы понимаем *мотивационно*, какой смысл связывает с суждением « $2 \times 2 = 4$ » тот, кто его высказывает или записывает, почему он *делает* это именно сейчас и именно в данной связи, если видим, что он занят коммерческим расчётом, доказательством теоремы либо техническим вычислением или любым другим делом, к которому это суждение и «относится» в соответствии с его, этого действия, понятным для нас *смыслом*, то есть если оно оказывается в понятной нам *смысловой связи* (рациональное мотивационное понимание). Мы понимаем колку дров или нацеливание ружья не только актуально, но и мотивационно, когда знаем, что работник колет дрова за плату, или для собственных нужд, или ради активного отдыха (рационально) или, к примеру, чтобы отойти от злости (иррационально), а тот, кто целится из ружья, следует приказу, готовясь расстрелять осуждённого или сразить врага (рационально), или мстит (аффективно, то есть в этом смысле иррационально). Мы, наконец, мотивационно понимаем гнев, если знаем, что его причиной являются ревность, уязвлённое тщеславие или оскорблённое достоинство (то есть он обусловлен аффективно, или иррационально в мотивационном отношении). Все это — понимаемые смысловые связи, понимание которых мы считаем объяснением реального хода действия. *Объяснение*, следовательно, для науки, занимающейся смыслом действия, означает обнаружение смысловой связи, к которой в соответствии с его субъективно подразумеваемым смыслом принадлежит актуально понимаемое действие. (О каузальном значении этого объяснения см. далее, п. 6.) Во всех этих случаях, даже в аффективных процессах, мы называем субъективный смысл явления, в том числе смысловой связи, «подразумеваемым» смыслом, выходя при этом за рамки обычного словоупотребления, где этот термин применяется только по отношению к рационально и целесообразно ориентированному действию.

6. *Понимание* означает во всех этих случаях истолковывающее постижение одного из следующих видов смысла или смысловой связи: а) действительно подразумеваемого смысла действия, имеющего место в данном конкретном случае (применяется в историческом рассмотрении), или б) смысла, подразумеваемого усреднённо или в приближении к действительно подразумеваемому смыслу (при массовом социологическом рассмотрении), или в) смысла либо смысловой связи, который или которая научно конструируется для *чистого* (идеального) типа часто встречающегося явления. Такими идеально-типическими конструкциями являются, например, понятия и «законы» чистой народно-хозяйственной теории. Они показывают, как *протекало бы* человеческое действие определённого характера, *если бы* оно развивалось строго целерационально без ошибок и аффектов и *было* совершенно однозначно ориентировано на одну-единственную цель (хозяйство). Реальное действие только в редких случаях (биржа), да и то лишь приблизительно, соответствует тому, как оно сконструировано в идеальном типе. О цели таких конструкций см. в моем эссе (Archiv f. Sozialwiss. XIX, S.64 ff)⁶ и ниже, в п. 11.

Каждое толкование стремится, конечно, к очевидности. Но сколь очевидным по смыслу оно ни было бы, оно не может как таковое и лишь в силу этой очевидности претендовать на то, чтобы считаться

⁶ Имеется в виду статья: [Weber 1904].

каузально обоснованным истолкованием. Само по себе оно всегда лишь особенно ясная каузальная гипотеза. Во-первых, выдвигаемые самим действующим на передний план, а также и «вытесненные» (то есть те, в которых он не признаётся самому себе) мотивы часто затемняют для самого действующего подлинную смысловую структуру организации действия, так что даже его субъективно искреннее свидетельство имеет лишь относительную ценность. В этом случае перед социологией возникает задача путём истолкования отыскать и зафиксировать эту структуру, *даже если* она не была или не полностью была в *сознании*, как подразумеваемая *in concreto*⁷. Это пограничный случай смысловой интерпретации.

Во-вторых, процессы действия, внешне одинаковые или похожие, могут базироваться на разных смысловых связях, которыми руководствуется действующий (или действующие), и мы «понимаем» даже очень сильно отличающиеся, иногда вовсе противоположные по смыслу действия в ситуациях, которые считаем схожими друг с другом (см. примеры у Зиммеля в «Проблемах философии истории»).

В-третьих, в конкретных ситуациях люди часто подвергаются воздействию противоположных, борющихся друг с другом стремлений, которые понятны нам в совокупности. Но с какой относительной силой выражаются в действии эти проявляющиеся в борьбе мотивы и нам *равно* понятные смысловые отношения, часто нельзя оценить даже приблизительно и почти никогда — с уверенностью. Ясность вносит только фактический исход борьбы мотивов. Значит, контроль понимающего истолкования смысла по результату, то есть по исходу действительного процесса, неизбежен, как и в случае любой другой гипотезы. Но с относительной точностью его можно обеспечить, к сожалению, лишь в немногих и очень специфических ситуациях психологического эксперимента, а также (с разной степенью приближения) в столь же немногих случаях считаемых и поддающихся однозначному приписыванию массовых явлений в статистике. Помимо этого, существует лишь возможность сравнения как можно большего числа процессов исторической или повседневной жизни, которые, как правило, одинаковы, но в *одном* решающем пункте различны, а именно в мотиве или основании, рассмотренном с точки зрения его практической значимости. Это важная задача сравнительной социологии. Но часто нам остаётся, к сожалению, лишь ненадёжное орудие мысленного эксперимента, то есть *домысливания* отдельных звеньев цепочки мотивов и конструирования становящегося *теперь* вероятным процесса для того, чтобы произвести каузальное приписывание.

Например, так называемый закон Грешема⁸ представляет собой рационально очевидное истолкование человеческого поведения в данных обстоятельствах и при идеально-типическом условии чисто целерационального действия. Насколько *фактическое* поведение ему соответствует, может сказать только опыт (в конечном счёте, в принципе, выразимый статистически), свидетельствующий о фактах исчезновения из обращения видов монет, слишком низко оцениваемых в денежной системе, и тем самым демонстрирующий высокую значимость этого закона. Действительный ход познания был таков: *сначала* появлялись опытные наблюдения, затем формулировалось истолкование. Без удачной интерпретации наша каузальная потребность оставалась бы явно неудовлетворённой. В то же время без демонстрации того, что эта признанная нами адекватной интерпретация хотя бы в какой-то степени соответствует тому, что происходит на самом деле, даже такой сам по себе очевидный «закон» был бы конструкцией, бесполезной для познания реального действия. В этом примере совпадение смысловой адекватности и результата опытной проверки вполне убедительно, а количество случаев достаточно

⁷ В действительности (*лат.*).

⁸ Грешем Томас, Gresham Thomas (1519–1579) — английский купец и финансист. Закон Грешема (также известен как Закон Коперника — Грешема) гласит: «Деньги, искусственно переоценённые государством, вытесняют из обращения деньги, искусственно недооценённые им», или в иной формулировке: «Худшие деньги вытесняют из обращения лучшие, если обменный курс устанавливается законом».

велико, чтобы считать результат обоснованным. Но, например, Эдуард Майер выдвинул глубокую и вполне приемлемую по смыслу гипотезу о влиянии битв при Марафоне, Саламине и Платеях на характер развития эллинской, а тем самым и всей западной культуры. Гипотеза строилась на смысловой интерпретации характерных фактов, демонстрирующих отношение древнегреческих оракулов и пророков к персам, и могла быть подтверждена лишь косвенно, примерами поведения персов в случае победы (Иерусалим, Египет, Малая Азия), что неизбежно оставляет её во многих отношениях неподтверждённой. Здесь поневоле приходится полагаться на её высокую рациональную очевидность. Часто при самой очевидной исторической интерпретации отсутствует даже такая возможность проверки, какая есть в этом случае. Тогда интерпретация навсегда остаётся именно гипотезой.

7. *Мотив* — это смысловая структура, которая самому действующему или наблюдателю представляется смысловой основой поведения. Последовательно развивающееся поведение будет считаться *субъективно адекватным* (или адекватным в смысловом отношении) в той степени, в какой соотношение составляющих его частей воспринимается нами (в соответствии с привычными чувствами и мыслями) как типичная (мы обычно говорим «правильная») смысловая связь. Напротив, «каузально адекватной» последовательность процессов будет считаться в той степени, в какой, согласно данным *опыта*, существует вероятность того, что она постоянно будет протекать таким же образом. (В этой терминологии *субъективно адекватным* является, например, правильное с точки зрения общепринятых норм счёта и логики решение арифметического примера. *Каузально адекватной* в статистическом выражении будет выведенная на основе опыта вероятность того, что решение окажется правильным или ложным также, конечно, с точки зрения общепринятых норм счёта и логики. Здесь, следовательно, предполагается возможность типичных счётных или концептуальных ошибок.) Таким образом, каузальное объяснение означает констатацию того, что с *вероятностью*, которую можно как-то оценить или иногда (в редком идеальном случае) выразить количественно, за определённым наблюдаемым (внутренним или внешним) процессом следует (или выступает вместе с ним) определённый другой процесс.

Правильная каузальная интерпретация конкретного действия означает, что *правильно* познаны его внешнее течение и мотив, и в то же время оно *понято* в его смысловой взаимосвязи. Правильная каузальная интерпретация типичного действия (понятного типа действия) означает, что считающийся типичным процесс является (в какой-то степени) адекватным в смысловом отношении и в то же время (в какой-то степени) каузально адекватным. При отсутствии смысловой адекватности даже при самой большой и точно исчисленной вероятности процесса (как внешнего, так и психического) имеется лишь *недоступная пониманию* (или лишь не полностью понимаемая) статистическая вероятность. В то же время для социологии важно, что даже суждение, имеющее наиочевиднейшую смысловую адекватность, только тогда станет правильным *каузальным* суждением, когда будет продемонстрирована (всё равно как) вероятность того, что действие *фактически* (с указанной частотой или в указанном приближении, в среднем, или же в чистом виде) *принимает* адекватное по смыслу направление. Только статистические регулярности, соответствующие *понимаемому* подразумеваемому смыслу социального действия, представляют собой (в принятом здесь смысле слова) понимаемые типы действия, то есть социологические правила. Только такие рациональные конструкции осмысленно понимаемого действия суть социологические типы реальных явлений, которые можно, по крайней мере в некотором приближении, наблюдать в действительности. И дело не в том, что параллельно с достижением смысловой адекватности *всегда* растёт и фактическая вероятность соответствующего ей поведения. Так ли это, в любом случае может показать лишь внешний опыт. Статистика *несмысловых* процессов (смертность, утомляемость, энергообеспеченность, количество осадков) может существовать в том же виде, что и статистика смысловых. Но *социологическая* статистика (статистика преступности, профессий, цен, посевных площадей) относится только к последней (естественно, нередки случаи, относящиеся к обеим формам, например, статистика урожайности).

8. Процессы и регулярности, которые недоступны пониманию (в принятом здесь смысле слова) и потому не считаются социологическими фактами или правилами, не становятся из-за этого менее важными. В том числе и для социологии в развиваемом здесь смысле слова, то есть для *понимающей* социологии (которая, конечно, никому не может и не должна быть навязана). Такие процессы и регулярности лишь занимают (что, конечно, методически совершенно неизбежно) иное место, нежели понимаемое действие, — место поводов, условий, поддержек или помех действию.

9. Действие в смысле доступной пониманию ориентации собственного поведения всегда существует для нас только как поведение одной или нескольких *индивидуальных* личностей.

Для иных познавательных целей было бы полезно или даже необходимо считать индивида, например, соединением клеток или комплексом биохимических реакций, а его психическую жизнь — складывающейся из отдельных (всё равно каких) элементов. В результате, несомненно, будут получены ценные знания (каузальные правила). Мы, однако, не *понимаем* выраженное в правилах поведение этих элементов. То же касается и психических элементов, которые мы понимаем тем *менее*, чем точнее они постигнуты методами естественных наук. К толкованию, исходящему из подразумеваемого *смысла*, этот путь не ведёт. Для социологии же, как мы её видим, а также и для истории объектом постижения является именно *смысловая* связь действия. Мы можем, по крайней мере, в принципе, наблюдать поведение физиологических единиц, например, клеток или каких-то психических элементов, пытаться сделать из наблюдения выводы, получить правила («законы») наблюдаемого и каузально «объяснить» конкретные процессы, подведя их под правила. Но истолкование действия учитывает эти факты и правила лишь в том смысле и в той мере, что и любые другие (физические, астрономические, геологические, метеорологические, географические, ботанические, зоологические, физиологические, анатомические, чуждые смыслу психопатологические или естественнонаучно обусловленные технические) факты.

В то же время для иных — например, для юридических — познавательных целей или для целей практики было бы, может быть, целесообразно и даже неизбежно обращаться с социальными образованиями (государство, товарищество, акционерное общество, фонд) так же, как с отдельными индивидами (например, с носителями прав и обязанностей или с исполнителями релевантных в *правовом* отношении действий). Но для социологического понимающего истолкования действия эти образования суть только процессы и связи специфического действия *отдельных* людей, ибо только последние и являются доступными нашему пониманию носителями осмысленно ориентированного действия. Тем не менее социология именно в своих целях не вправе *игнорировать* коллективные мысленные образования, полученные при иных способах рассмотрения. Понимающая социология стоит к этим коллективным понятиям в тройном отношении. Во-первых, она сама часто вынуждена работать с очень похожими (иногда даже так же именуемыми) коллективными понятиями, дабы обеспечить общепонятную *терминологию*. В юридическом, как и в обыденном, языке термином «государство», например, обозначаются и правовое *понятие* государства, и феномен социального действия, в *отношении* которого релевантны правовые нормы, предполагаемые этим понятием. Для социологии феномен государства не состоит обязательно только или именно из *юридически* релевантных компонентов. И уж, во всяком случае, для неё не существует действующей коллективной личности. Если она говорит о государстве или о нации, об акционерном обществе, о семье, воинской части или о других подобных «структурах», то она имеет в виду *только* определённым образом организованный ход фактического или сконструированного как возможное социального действия индивидов, то есть наделяет юридическое понятие, которое применяет ради его точности и привычности, совершенно другим смыслом.

Во-вторых, при толковании действия должен учитываться принципиально важный факт, состоящий в том, что понятия коллективных структур, являющиеся частью как повседневного, так и специали-

зированной (например, юридического) мышления, суть *представления* в головах реальных людей (и не только судей и чиновников, но и широкой публики) об этих структурах как о чем-то реально существующем либо нормативно обязательном, на что в результате оказываются *ориентированы* их действия. Как таковые, эти представления производят огромное, часто решающее каузальное воздействие на поведение реальных лиц. Прежде всего, как представления о нормативно предписанном или, наоборот, о запрещённом. (Современное «государство» поэтому в немалой степени именно так и живёт — как комплекс специфического совместного действия людей, которые ориентируют своё поведение на *представление* о том, что оно *существует* или *должно* таким образом существовать, и что, следовательно, определённые юридически ориентированные порядки *значимы*, то есть обязательны к исполнению. Но об этом ниже.) И если в собственно социологической терминологии было бы, в принципе, возможно (каким бы крайним педантизмом и многословием это ни обернулось) совершенно элиминировать и заменить вновь созданными словами понятия, употребляемые *не только* для выражения юридического долженствования, но и при обозначении реальных процессов, то, по крайней мере, для последней важной области это совершенно исключено.

В-третьих, так называемая органическая социология, нашедшая классическое выражение в толковой работе А. Шеффле «Строение и жизнь социального тела», стремится объяснить общественное взаимодействие, отталкиваясь от целого (например, народного хозяйства), внутри которого индивид и его поведение толкуются подобно тому, как, например, физиология рассматривает роль телесного органа в «хозяйстве» организма (то есть с точки зрения выживания последнего). (Ср. знаменитый пассаж из лекции одного физиолога: «§ X. Селезёнка. О селезёнке, господа, мы ничего не знаем. И это все о селезёнке!» В действительности он, конечно, знал о селезёнке довольно много — положение, величину, форму и т.д., не мог только назвать её функцию, что и считал незнанием.) В какой мере в других науках это *функциональное* рассмотрение *части* в отношении *целого* должно (поневоле) быть определяющим, мы здесь не судим, хотя известно, что биохимическое и биометрическое исследования этим, в принципе, не удовлетворились бы. Применительно к истолковывающей социологии такой способ выражения 1) может служить целям практической наглядности и временной ориентации (и быть в этой функции весьма полезным и необходимым, но при переоценке его познавательной ценности и ложном понятийном реализме — крайне вредным), и 2) только он при определенных обстоятельствах может помочь обнаружить то социальное действие, истолковывающее понимание которого *важно* для объяснения какой-то связи. Но только здесь и *начинается* работа социологии (в принятом нами смысле слова). Ведь имея дело с социальными образованиями (в противоположность организмам), мы можем пойти *далее* простого установления функциональных связей и правил («законов») и прийти к тому, что, в принципе, невозможно во всех естественных науках, создающих каузальные правила процессов и явлений и на этой основе объясняющих отдельные события, а именно достичь понимания поведения участвующих *индивидов*, тогда как поведение, например, клеток мы не можем понять, а можем лишь функционально зафиксировать и затем констатировать как соответствующее правилам его протекания. Этот большой потенциал истолковывающего объяснения по сравнению с наблюдающим обретается, правда, за счёт более гипотетического и фрагментарного характера результатов, получаемых при истолковании. И тем не менее именно *в нём* и заключается специфика социологического познания.

Мы здесь совершенно не затрагиваем вопрос о том, насколько люди могут «понимать» поведение животных, и наоборот (причём содержание и объём того и другого «понимания» совершенно не ясны), и, следовательно, может ли существовать социология отношений человека с домашними и хищными животными (многие животные «понимают» приказ, гнев, любовь, угрозу и реагируют на них явно не только механически-инстинктивно, но и в какой-то степени осознанно, осмысленно, ориентируясь на опыт). Собственно, и наша способность вжиться в поведение «естественного человека» ненамного больше. У нас совсем нет или почти нет *надёжных* средств установления субъективных

фактов жизни животных; как известно, проблемы психологии животных настолько же интересны, насколько и трудны. У животных существуют, как мы знаем, самые разные сообщества — моногамные и полигамные «семьи», стада, стаи, даже «государства» с разделением функций. (Степень функциональной дифференциации этих сообществ вовсе не параллельна степени органической либо морфологической дифференциации соответствующего вида. Так, функциональная дифференциация у термитов, а поэтому и многообразие их артефактов гораздо выше, чем у муравьёв и пчёл.) На сегодня, разумеется, важнее всего чисто функциональное наблюдение, то есть выявление главных функций (обеспечение пищей, защита, размножение, образование новых сообществ) разных типов особей («царей», «цариц», «рабочих», «солдат», «трутней», «производителей», «запасных цариц» и т. д.) в соответствующем животном сообществе, чем и приходится удовлетвориться исследователю. Всё выходящее за эти пределы долго оставалось лишь спекуляцией или выяснением того, в какой мере в развитии этих «социальных» задатков участвуют, с одной стороны, наследственность, а с другой — среда (что было предметом столкновений между А. Вейсманом, труд которого «Всесилие естественного отбора» опирается в значительной мере на совершенно неэмпирические дедукции, и А. фон Гётте⁹). Но серьёзные исследователи, конечно, едины в том, что *удовольствование* функциональным познанием — это вынужденное и, как можно надеяться, временное обстоятельство (см., например, работу К. Эшериха 1909 г. о положении в изучении термитов). Хотелось бы не только иметь представление о довольно легко определяемой важности функций отдельных дифференцированных типов «с точки зрения выживания» и о том, как (с допущением наследования приобретённых признаков или без него, а если с допущением, то с каким его истолкованием) объяснить эту дифференциацию, но и знать также, что 1) *определяет* начало дифференциации еще недифференцированной, нейтральной исходной особи и 2) *заставляет* дифференцированную особь вести себя (в среднем) так, чтобы это действительно служило интересам сохранения дифференцированной группы. Все продвижения здесь сводятся к экспериментальному доказательству (или к предположению) существования химических раздражителей или физиологических фактов (особенности питания, паразитарная кастрация и т. д.) применительно к *отдельным* особям. Есть ли и насколько проблематична надежда экспериментально показать вероятность существования психологической и смысловой ориентации, сегодня не скажет даже специалист. Создание контролируемой картины психики социальных животных на основе понимания смысла даже как идеальная цель представимо лишь в очень узких границах. Во всяком случае, не следует с этой стороны ждать лучшего понимания человеческого социального действия; как раз наоборот: именно там приходится и нужно работать с человеческими аналогиями. Но можно надеяться, что эти аналогии когда-нибудь пригодятся для постановки вопроса о том, какова была на ранних стадиях социальной дифференциации человеческого общества роль чисто *механическо-инстинктивной* дифференциации в её отношении к индивидуально и осмысленно понимаемым и далее к *сознательно* рационально организуемым процессам. Понимающая социология, конечно, должна отдавать себе отчёт в том, что на ранней стадии человеческой истории первый из названных компонентов имеет главенствующее значение, а на следующих стадиях постоянно присутствует (причём как решающе важный фактор). Любое традиционное действие (см. далее, § 2 данной главы) и широкие аспекты харизмы (см. далее, гл. 3) как ядра психического заражения и, значит, носителя социологических «возбудителей» развития очень близки к этим только лишь биологически схватываемым процессам, не поддающимся (или лишь частично поддающимся) интерпретационным и мотивационным подходам, с неуловимыми переходами между ними. Это, однако, не освобождает понимающую социологию от задачи, осознавая тесные границы, в которых она оказалась, делать то, что *может* только она.

В работах Отмара Шпанна, часто богатых интересными идеями, несмотря на встречающиеся недоразумения и прежде всего аргументацию на основе недоступных эмпирической проверке чисто ценност-

⁹ В строгом смысле дискуссия, развернувшаяся в 1880-е гг., касалась смерти и бессмертия применительно к простейшим и к многоклеточным и роли репродуктивных и соматических клеток. «Реплики» в дискуссии: [Weismann 1882a, 1882b; Goette 1883].

ных суждений, несомненно, справедливо подчёркивается никем всерьёз не оспариваемое значение *предварительной* функциональной постановки вопроса для любой социологии. Он называет это «универсалистский метод». Конечно, чтобы иметь возможность ставить вопросы о том, как возникает действие и какие мотивы его определяют, мы должны сначала знать, какое действие функционально важно, то есть важно с точки зрения выживания (а также — и прежде всего — культурного своеобразия!), а кроме того, и определённого направления развития типа социального действия. Сначала надо знать, какие функции исполняют «король», «чиновник», «предприниматель», «сутенёр», «маг» и, следовательно, какое типичное действие (которое только и позволяет причислить того или иного индивида к одной из этих категорий) *важно* и подлежит рассмотрению, прежде чем приступить к самому анализу. (Это и есть «отнесение к ценностям» в духе Г. Риккерта.) Но лишь сам этот анализ в состоянии достичь понимания действия типично дифференцированных человеческих (и *только* человеческих) индивидов, в чём и состоит задача социологии. Нужно только исключить чудовищное недоразумение, согласно которому индивидуалистический *метод* требует индивидуалистической (в каком угодно возможном смысле) системы ценностей, как и мнение, что неизбежно (относительно) рационалистический характер формирования *понятий* означает веру в преобладание рациональных мотивов или даже положительную оценку рационализма. Социалистическое хозяйство тоже ведь с социологической точки зрения должно пониматься индивидуалистически, то есть путём истолковывающего *понимания действия индивидов* (типов имеющихся в нем функционеров) на основе — точно так же, как и в случае рынка — учения о предельной полезности (или другого, ещё не найденного лучшего, но в *этом* пункте сходного с ним метода). Ибо здесь, как и повсюду, главная работа эмпирической социологии начинается с постановки вопроса о том, какие мотивы побуждали и побуждают единичных функционеров и членов этой общности действовать так, будто она *возникла и продолжает существовать*. Создание функциональных (ориентированных на «целое») понятий — это лишь подготовительная работа, польза и необходимость которой, если она проведена правильно, конечно же несомненны.

10. *Законы*, как обычно называют некоторые положения понимающей социологии (например, закон Грешема), представляют собой подтверждённые наблюдениями типичные *вероятности* определённого хода социального действия, ожидаемого при наличии тех или иных фактов и понимаемого на основе типичных мотивов и типичного смысла, из которого исходят действующие. Эти законы в высшей степени понятны и однозначны, если в основе типичного наблюдаемого поведения (или методически сконструированного типа такого поведения) лежат чисто целерациональные мотивы и имеется согласно опыту однозначное соотношение между средствами и целью (при «неизбежном» характере средств). Тогда можно сказать, что, *если* действовать строго целерационально, нужно поступать только *так, и никак иначе*, ибо участники действия, служа определённой однозначно формулируемой цели, по «техническим» причинам располагают только этими средствами, и никакими иными. Именно этот случай показывает, кстати, сколь ошибочно считать основой понимающей социологии какую бы то ни было психологию. Сегодня под психологией каждый понимает своё. Вполне определённые методические цели оправдывают характерное для естественно-научного изучения некоторых процессов разделение физического и психического, которое в *этом* смысле чуждо дисциплинам, изучающим действие. Результаты психологии, которая изучает психическое *только* средствами естественной науки и по естественно-научной методике и *не* интерпретирует человеческое поведение с точки зрения его предполагаемого смысла (что представляет собой, в сущности, иной подход), как и результаты любой другой науки независимо от её методической основы, могут в отдельных случаях иметь и часто имеют важное значение для социологической постановки вопросов. Но каких-то в целом более близких отношений с психологией, чем с другими дисциплинами, у социологии *нет*. Ошибка заключается в понимании психического: якобы то, что не физическое, — психическое. Но ведь смысл, подразумеваемый кем-то при употреблении примера из таблицы умножения, — это не психическое. Рациональное рассуждение о том, способствует ли какое-то действие с его ожидаемыми последствиями удовле-

нию каких-то интересов или не способствует, и решение, принятое по его результатам, не станет ни на йоту понятнее при его «психологическом» рассмотрении. Но именно на таких рациональных предпосылках социология (включая и национальную экономию) строит большинство своих законов. Напротив, в социологическом объяснении *иррациональностей* действия *понимающая* психология может сыграть очевидно решающую роль. Но в принципиальном методологическом отношении это ничего не меняет.

11. Социология, как это уже ясно, образует *типовые* понятия и ищет *общие* правила явлений. В этом её противоположность истории, которая стремится к каузальному анализу и объяснению *индивидуальных, культурно значимых* действий, структур, личностей. Социологическое образование понятий черпает свой парадигмальный материал в очень значительной степени, хотя и не исключительно, из реальностей действия, релевантных также и для истории. Социология формирует свои понятия и ищет правила, руководствуясь также тем, сможет ли она послужить историческому каузальному объяснению явлений, важных с точки зрения культуры. Как и в каждой генерализирующей науке, особенность ее абстракций приводит к тому, что социологические понятия оказываются относительно *бессодержательными* по сравнению с конкретной реальностью исторического. Взамен социология предлагает возросшую *однозначность* понятий. Возрастание однозначности обеспечивается за счёт характерного для социологических понятий стремления к оптимуму *смысловой* адекватности. Последний, как уже неоднократно подчёркивалось, полнее всего достигается при использовании *рациональных* (ценностно- или целерациональных) понятий и правил. Но социология пытается схватить в теоретических, причём адекватных *по смыслу*, понятиях также иррациональные (мистические, пророческие, пневматические, аффективные) явления. Во *всех* случаях, как в рациональных, так и в иррациональных, она *отдаляется* от действительности и одновременно служит её познанию в том смысле, что благодаря указанию степени *близости* исторического явления к одному или нескольким из этих понятий это явление может быть определённым образом классифицировано. Одно и то же историческое явление может, например, в одном из своих аспектов быть феодальным, в другом — патримониальным, в третьем — бюрократическим, а ещё в каком-то — харизматическим. Чтобы все эти характеристики понимались однозначно, социолог должен создавать чистые (*идеальные*) типы соответствующих образований, каждый из которых должен обладать логической цельностью при максимальной *смысловой* адекватности. В реальности такой идеальный *чистый* тип настолько же маловероятен, как и физическая реакция, рассчитанная при условии абсолютно пустого пространства. Социологическая казуистика возможна только на основе чистого (идеального) типа. Само собой разумеется, что кроме того социология применяет по возможности и *усреднённый* тип эмпирико-статистического характера, не нуждающийся в особом методологическом обсуждении. Но, говоря о *типических* случаях, она, без сомнения, всегда имеет в виду *идеальный* тип, который, в свою очередь, *может* быть рациональным или иррациональным, большей же частью (а в национал-экономической теории — всегда) является рациональным и всегда конструируется как адекватный *по смыслу*.

Следует отдавать себе отчёт, что в социологии, как и везде, «среднее» (а следовательно, и «средние типы») в подлинном смысле может формироваться только, если речь идёт о различиях в *степени* качественно *однородного* осмысленно определённого поведения. Такое встречается, но в большинстве случаев исторически либо социологически релевантное действие испытывает влияние качественно *гетерогенных* мотивов, из которых невозможно вывести «среднее» в собственном смысле слова. Поэтому любая идеально-типическая конструкция социального действия, например в экономической теории, чужда действительности, поскольку отвечает на вопрос о том, как действовать рационально и ориентируясь исключительно на хозяйственные цели, тогда как реальное действие испытывает тормозящее влияние традиций, вмешательство аффектов, заблуждений, воздействие неэкономических целей и обстоятельств. Но именно такая конструкция позволяет 1) понять действие *в той мере*, в какой оно наряду с прочими его характеристиками является (если речь идёт о конкретном случае) или бывает

(если речь идёт об усредняющем наблюдении) экономически целерациональным, но также и 2) именно по причине *различия* между реальным действием и его идеальным типом прийти к познанию его *действительного* мотива. Соответственно должна была бы строиться идеальнотипическая конструкция последовательного мистически обусловленного акосмического отношения к жизни (например, к политике и экономике). Чем резче и однозначнее сконструированы идеальные типы, то есть чем более они в этом смысле *чужды* миру, тем лучше они выполняют свои задачи — как терминологические и классификационные, так и эвристические. В работе историка казуальное объяснение событий происходит по сути так же, когда историк, чтобы объяснить, например, ход кампании 1866 г.¹⁰, сначала (мысленно) рассчитывает за Мольтке и Бенедекка, как им следовало бы действовать в случае идеальной целерациональности, то есть будучи полностью в курсе своего положения и положения противника, затем сравнивает эти рассчитанные действия с реальными, чтобы причинно *объяснить* найденные различия (чем бы они ни были вызваны — плохой информацией, ошибкой наблюдения, ложным заключением, личным темпераментом или, вообще, невоенными соображениями). Здесь также (латентно) применяется идеально-типическая целерациональная конструкция.

Конструктивные понятия социологии являются идеально-типическими не только внешне, но и внутренне. *Реальное* действие протекает часто в состоянии притупленного полусознания или, вообще, неосознанности его субъективного смысла. Действующий, скорее, неопределённо его чувствует, чем знает или «ясно представляет», и строит свои поступки чаще всего инстинктивно или в силу привычки. Субъективный смысл (будь он рациональным или иррациональным) наличествует в сознании только время от времени, а при массовом однородном действии — только у отдельных индивидов. Подлинно эффективное, то есть целиком осознанное и ясное осмысленное действие — это на самом деле лишь предельный случай. Это всегда нужно иметь в виду при любом анализе *реальности* в исторической и социологической работе. Но это не мешает социологии строить свои *понятия* путём классификации возможного подразумеваемого смысла, то есть так, будто действие и вправду протекает при наличии сознательной смысловой ориентации. Социология всегда должна осознавать своё отклонение от реальности, когда речь идёт о наблюдении этой последней в её конкретности, и констатировать меру и характер этого отклонения.

Часто методически приходится выбирать между неясными или ясными, но при этом ирреальными идеально-типическими терминами. В этом случае с научной точки зрения следует предпочесть эти последние. (См.: Archiv für Sozialwiss. XIX. S. 64 ff [Weber 1904] и выше, п. 6 в настоящем параграфе.)

II. Понятие социального действия

1. Социальное действие (включая отказ от действия или претерпевание) может быть ориентировано на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других людей (месть за прежние нападения, отражение нынешних нападений, оборонительные меры против будущих нападений). «Другими» могут быть отдельные и знакомые люди или неопределённо многие и совершенно незнакомые (например, деньги представляют собой меновой товар, который действующий принимает при обмене, поскольку ориентирован на ожидание того, что многие, но неизвестные и неопределённые лица, со своей стороны, проявят в будущем готовность принять их в обмен).

2. Не каждый вид действия, в том числе и внешнего, является социальным действием в соответствии с установленным здесь смыслом слова. Внешнее действие не таково, если оно ориентируется только на ожидаемое поведение вещных объектов. Внутреннее поведение представляет собой социальное действие, лишь если оно ориентируется на поведение других людей. Таковым не является, например, религиозное поведение в том случае, если оно остаётся созерцанием, одинокой молитвой и т. д. Хозяй-

¹⁰ Австро-прусская война 1866 г.

ствование (отдельного индивида) будет социальным действием только в том случае и лишь постольку, поскольку оно принимает в расчёт поведение третьих лиц. В самом общем и формальном виде — следовательно, если данный индивид рассчитывает на уважение собственной распорядительной власти над экономическими благами со стороны третьих лиц. В материальном смысле — если, например, при потреблении он принимает в расчёт будущие желания третьих лиц и начинает «экономить». Или в том случае, если хозяйствование, например, в процессе производства ориентируется на будущие желания третьих лиц, и т. д.

3. Не каждое из человеческих соприкосновений имеет социальный характер, но только собственное поведение, осмысленно ориентированное на поведение других. Например, столкновение двух велосипедистов — это просто событие, подобное явлению природы. Но если они попытаются избежать столкновения, то эта попытка и следующие за ней ссора, драка или мирное обсуждение были бы социальным действием.

4. Социальное действие не тождественно ни *единообразному* действию нескольких лиц, ни действию *под влиянием* поведения других. Когда начинается дождь и все раскрывают зонты, действие каждого ориентировано не на действие других, а на *одинаковую* у всех потребность защиты от дождя. Известно также, что действие отдельного человека может определяться просто фактом принадлежности к сконцентрированной людской массе; это *массово* обусловленное действие — предмет исследований «психологии масс» в духе, например, Г. Лебона. Даже рассеянная масса может в результате одновременно или последовательно влияющего на индивида и воспринимаемого как таковое поведения многих (например, через прессу) превратить индивидуальное действие в массово обусловленное. Некоторые способы реагирования только и становятся возможными, а другие, наоборот, затрудняются в результате того, что индивид чувствует себя частью массы. Поэтому некое событие может вызвать достаточно сильные эмоции (веселье, ярость, воодушевление, отчаяние или страсть), которые — будь человек наедине с собой — не возникли бы (или не возникли бы столь легко), при том, что *смыслового* отношения между поведением индивида и фактом его принадлежности к массе (по крайней мере, во многих случаях) не возникает. Такое действие, реактивно порождённое влиянием массы как таковой, но не *соотнесённое* с ним по смыслу, не подходит под понятие «социальное действие», как оно здесь установлено. Вместе с тем различие, конечно, крайне неясное. Ведь не только, например, у демагогов, но часто и у обычной публики может существовать разное и по-разному толкуемое смысловое отношение к массе.

Кроме того, простое подражание чужому действию (чему справедливо придаёт важное значение Г. Тард) не было бы в понятийном отношении *особым видом* социального действия, если бы происходило только реактивно, без осмысленной ориентации собственного действия на чужое. Граница здесь столь подвижна, что различие часто едва ли возможно. Скажем, простой факт, состоящий в том, что кто-то, познакомившись у других с поведением, которое показалось ему целесообразным, начинает практиковать его у себя, не является в нашем смысле социальным действием. Здесь не действие ориентируется на поведение другого, а действующий, наблюдая за этим поведением, уяснил его объективные возможности, *на которые* и ориентируется. Это *каузально* обусловленное действие, а не смысловое, ориентирующееся на действия других. Если, напротив, чужому поведению подражают потому, что это модно, или следуя сословной традиции, образцу, норме, или по какой-то другой причине, то налицо смысловая ориентация на объект подражания или на действия других либо на то и иное вместе. Естественно, между этими позициями есть переходы. Оба случая (массовая обусловленность и подражание) разделяются условно и представляют собой пограничные случаи социального действия, встречающиеся ещё достаточно часто, например, в традиционном действии (см. ниже, § 2 данной главы). Причина здесь и в других случаях заключается в том, что ориентация на чужое поведение и смысл собственного действия вовсе не всегда поддаются однозначной констатации и *осознанию*, а ещё

реже — полному осознанию. Поэтому простое «влияние» и осмысленную ориентацию далеко не всегда можно уверенно разграничить. Но понятийно они разделяются, хотя, разумеется, само по себе реактивное подражание имеет, *по меньшей мере*, ту же социологическую *значимость*, что и социальное действие в собственном смысле. Социология занимается отнюдь не *только* социальным действием, хотя оно является для того рода социологии, который мы здесь развиваем, центральным фактом, так сказать, *конститутивным* для неё как науки. Хотя из этого вовсе не следует вывод о большей *важности* этого факта по сравнению с другими.

Литература

Goette A. 1883. *Ueber den Ursprung des Todes*. Leipzig: Voss.

Simmel G. 1905. *Probleme der Geschichtsphilosophie. Eine erkenntnistheoretische Studie*. 2. Aufl. Leipzig: Duncker & Humblot.

Weber M. 1904. Die “Objektivität” sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis. In: *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 19. Bd. Heft 1; 22–87; рус. пер.: Вебер Макс. 1990. *Избранные произведения*. М.: Прогресс; 345–415.

Weber M. 1907. Stammlers “Ueberwindung” der materialistischen Geschichtsauffassung. Besprechung von Rudolf Stammlers “Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung”. In: *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 24. Bd. Heft 1; 94–151; перепечатано: Weber Max. 1985. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. 6. Aufl. In: *Hrsg. von Johannes Winckelmann*. Tübingen: Mohr Siebeck; 291–359.

Weber M. 1913. Über einige Kategorien der verstehenden Soziologie. In: *Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur* (Hrsg. v. R. Kroner u. G. Mehlis). Bd. IV. Heft 3. Tübingen: Mohr Siebeck; 253–294; рус. пер.: Вебер Макс. 1990. *Избранные произведения*. М.: Прогресс; 495–546.

Weismann A. 1882a. *Ueber Leben und Tod*. Jena: Fischer.

Weismann A. 1882b. *Ueber die Dauer des Lebens: ein Vortrag*. Jena: Fischer.

NEW TRANSLATIONS

Max Weber

Economy and Society: Essays on Interpretive Sociology

WEBER, Max (1864–1920) —
German sociologist, philosopher,
historian, and political economist.

Translated into Russian by
L. G. Ionin

Abstract

This book is the first Russian translation of the first volume of Max Weber's classic work *Economy and Society*. Volume I uncovers the methodology of Max Weber's interpretive sociology in general. This volume defines the fundamental concepts of sociology, describes the main principles of economic sociology, explains statements about the sociology of power, and indicates directions for the development of social stratification. Therefore, the volume provides readers with systemized tools and a specific lens for understanding issues, which social sciences generally care about, that are discussed in the following volumes of this outstanding work.

Journal of Economic Sociology has published a short excerpt from the first chapter, "The Fundamental Concepts of Sociology," from Volume I, Sociology. This chapter presents a program for interpretive sociology, including its substantial and methodic fundamentals. The chapter also indicates how sociology is related to similar disciplines. Social action is key for understanding sociology.

Keywords: sociology; Max Weber; social action; motive; interpretive understanding; methodology.

References

Goette A. (1883) *Ueber den Ursprung des Todes*. Leipzig: Voss (in German).

Simmel G. (1905) *Probleme der Geschichtsphilosophie. Eine erkenntnistheoretische Studie*. 2. Aufl, Leipzig: Duncker & Humblot (in German).

Weber M. (1904) Die "Objektivität" sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 19. Bd. Heft 1. S. 22–87 (in German).

Weber M. (1907) Stammers "Ueberwindung" der materialistischen Geschichtsauffassung. Besprechung von Rudolf Stammers "Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung". *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 24. Bd. Heft 1. S. 94–151 (in German).

Weber M. (1913) Über einige Kategorien der verstehenden Soziologie. *Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur* (Hrsg. v. R. Kroner u. G. Mehlis). Bd. IV. Heft 3, Tübingen: Mohr Siebeck, S. 253–294 (in German).

Weismann A. (1882a) *Ueber Leben und Tod*. Jena: Fischer (in German).

Weismann A. (1882b) *Ueber die Dauer des Lebens: ein Vortrag*, Jena: Fischer (in German).

Received: November 15, 2016.

Citation: Weber M. (2016) Hozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii [Economy and Society: Essays on Interpretive Sociology (an excerpt)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 17, no 5, pp.13–29. Available at <https://ecsoc.hse.ru/2016-17-5.html> (in Russian).